

Хочу отметить еще одно обстоятельство. Верность Чехословацкой республике подчеркивают не только официальные советские круги, но и все слои народов Советского Союза. Это и простые рабочие, солдаты, это и интеллигенция. Все знают и хорошо информированы о нашей республике. Повсюду мы слышали от людей такие слова: «Не дайте германскому фашизму проглотить вас, мы придем вам на помощь».

«*Národní osvobození*», Praha, 29. května 1938, č. 126.

Перевод с чешского.

¹ Давид И. (1884—1968) — чехословацкий политический деятель, один из руководителей Чехословацкой национально-социалистической партии, в 1930—1938 гг. председатель Комитета обороны палаты депутатов Национального собрания. Давид приезжал в СССР в составе профсоюзной делегации, организованной Союзом друзей СССР (см. прим. 1 к док. 296, а также док. 332).

298

Запись беседы полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского с министром иностранных дел Чехословакии К. Крофтой

Прага

30 мая 1938 г.

Выполняя телеграфное поручение наркома, посетил Крофту и спросил, известно ли ему о том, что патриарх Мирон¹ договорился в Варшаве о совместном противодействии Польши и Румынии всякой попытке нашей Красной Армии оказать Чехословакии в случае необходимости помощь. Я добавил, что такое польско-румынское соглашение должно принять конкретные формы в переговорах польского и румынского генштабов.

В ответ Крофта сообщил мне, что слухи о какой-то подготовке румын и поляков к решению этого вопроса доходили и до него. Однако в той категорической форме, которую употребил я, он с этими слухами еще не встречался. Еще во время заседания Совета Лиги Наций у Крофты были сведения, что Румыния заявляла в Варшаве и Берлине, что не допустит прохождения Красной Армии по своей территории ни при каких условиях. Крофта поручал тогда своему чиновнику в Женеве, посланнику Гейдриху, проверить у Комнена, что означают эти слухи. Комнен в очень категорической форме заверил, что нигде таких заявлений не делал и слухи эти не имеют никаких оснований. Что касается отношения Комнена к этому вопросу, то Комнен дал понять Гейдриху, что Румыния, по соображениям общеевропейской ситуации, в данное время не могла бы принять на себя прямые обязательства пропустить Красную Армию при всех условиях. Крофта добавлял от себя, что Чехословакия и не просила бы Румынию о таком согласии авансом на все возможные случаи, потому что понимает, что ни внутреннее, ни внешнее положение Румынии не позволяет ей брать подобных обязательств. С чехословацкой точки зрения, на ближайшее время было бы достаточно держать этот вопрос открытым вплоть до момента реальной необходимости его разрешения или до момента общего улучшения и уточнения советско-румынских взаимоотношений. Именно поэтому ответ Комнена тогда вполне удовлетворил Крофту, потому что Комнен дал понять Гейдриху, что он тоже хотел бы оставить вопрос открытым, с учетом возможной необходимости таких его прак-

тических решений, которые открывали бы в будущем дорогу для оказания помощи Чехословакии со стороны СССР. Комнен при этом предвидел возможность другой, чем сегодня, общеевропейской ситуации в смысле более ясного распределения и расстановки сил борющихся сторон. Позднее Крофта произвел проверку и через своего посланника в Бухаресте Веверку. Ответ был того же характера: вопрос щекотливый, не может быть заранее решен, должен оставаться открытым именно с целью оставить для Чехословакии возможность его благоприятного решения в случае действительной необходимости.

Крофта неохотно допускал возможность, что румыны теперь как бы «закрыли» этот вопрос в ущерб чехословацким интересам, но все же признавал, что это возможно, поскольку и ему не нравится поездка начальника румынского генштаба в Варшаву. Если бы этой поездки не было, то он не придавал бы никакого значения поездке и разговорам патриарха Мирона, потому что достаточно знает патриарха и уверен, что тот не способен вести сколько-нибудь серьезные внешнеполитические переговоры. Теперь же Крофта снова будет проверять, что делают румыны в действительности, но при этой проверке не будет ссылаться на нас как на источник своих сведений о задаче поездки начальника румынского генштаба в Варшаву.

Поскольку речь шла по существу о вопросе об оказании помощи Чехословакии, Крофта сказал, что Фирлингер информировал его об инициативе Кулондра², сводящейся к постановке вопроса об уточнении характера и рода совместных действий Франции, СССР и Чехословакии в случае возможного нападения Германии на Чехословакию. Я задал вопрос об отношении Крофты к этой инициативе. Крофта ответил, что ждал такого вопроса, но не имел времени подготовиться к ответу, потому что это вопрос исключительной важности и он сможет ответить на него точно лишь в согласии с прямыми указаниями президента Бенеша, которых он еще не получил. Что касается личного мнения самого Крофты, то он весьма приветствует и одобряет факт такой французской инициативы, ибо без нее Чехословакия не могла бы поднимать ряд практических вопросов в этой области. Чехословакия не может быть инициатором, не может выступать раньше Франции. Формально это невозможно, потому что советско-чехословацкий договор и приведение его в действие зависит от приведения в действие франко-чехословацкого союзного договора. Если бы Франция молчала, то и Чехословакия должна была бы формально молчать. По существу Чехословакия тоже не могла бы пойти против намерений Франции, ибо намерения выражаются не только тем, что говорится, но и тем, о чем умалчивается. Теперь же, поскольку Франция заговорила, то Чехословакия вслед за ней охотно пойдет на любой разговор, потому что исключительно высоко ценит ту помощь, которую СССР уже оказывает Чехословакии и еще может оказать в дальнейшем. Здесь Крофта несколько раз и в довольно теплых выражениях высказывал прямую благодарность за ту спокойную и твердую поддержку, которую он чувствовал за последнее критическое время со стороны СССР. Уверенность в том, что СССР совершенно серьезно и без всяких колебаний намеревается и готовится оказать помощь Чехословакии в случае действительной нужды, действует очень успокоительно и ободряюще на Чехословакию. Под конец Крофта еще раз повторил, что это его личное мнение, и оно еще нуждается в апробации Бенеша, который, вернее всего, позовет меня к себе в ближайшие сроки.

Я спросил Крофту, что делал у него до моего прихода итальянский посланник де Фачендис, которого я встретил при выходе из кабинета Крофты. Крофта отвечал, что де Фачендис приходил с вопросом, возникшим «у него лично». При этом Крофта сам смеялся и говорил, что у де Фачендиса никаких вопросов вообще не возникает, а действует он точно по указке из Рима. Вопрос этот заключался в том, не считает ли Крофта выходом из создавшегося для Чехословакии положения и средством для умиротворения всей Средней Европы нейтрализацию Чехословакии, например, по швейцарскому или бельгийскому образцу. Крофта на это якобы ответил, что Чехословакия готова всеми способами способствовать упрочению мира и приветствовала бы также и нейтрализацию, если бы была уверена в ее реальности. Но как раз этой уверенности у Чехословакии и нет. Крофта прямо спрашивал, кто будет гарантировать нейтралитет Чехословакии и какими средствами будет этот нейтралитет гарантирован. Де Фачендис якобы уклонился от ответа и повторил, что это только его личная мысль, которую он не довел до конца и, возможно, сам недооценил всего объема вытекающих отсюда вопросов.

Крофта сам добавлял к этому, что вопрос де Фачендиса нужно считать согласованным англо-итальянским зондажем, потому что накануне у него был английский посланник в Праге Ньютон, который в процессе разговора о судето-немецкой проблеме тоже вставил как свою собственную мысль идею нейтрализации Чехословакии для устранения трений и напряжения между Чехословакией и Германией³. Крофта и ему задал вопрос, кто и чем будет гарантировать нейтральность Чехословакии. Ньютон, в отличие от де Фачендиса, не уклонился от ответа, «теоретически» предполагал в качестве гарантов Англию, Францию и Италию. Крофта на это сказал ему, что гарантировать должны были бы также и Германия, Польша и Венгрия, ибо это как раз те страны, со стороны которых Чехословакия может ожидать нападения. Англия, Франция и Италия не могут и не нападут на Чехословакию. Их гарантия должна последовать после гарантий Германии, Польши и Венгрии в том, что они не нападут на Чехословакию, и должна заключаться в том, что они помогут Чехословакии, если на нее все-таки кто-нибудь нападет. На это Ньютон не дал никакого ответа.

Критикуя «личную мысль» Ньютона, Крофта без всякой помощи с моей стороны прямо говорил, что хорошо понимает, чего хотел Ньютон, хотя бы уже по одному тому обстоятельству, что Ньютон обошел СССР и его значение для Чехословакии абсолютным молчанием. Это означает, что Англия и Италия во имя соглашения с Германией хотели бы оторвать Чехословакию от опоры на СССР. Чехословакия же исключительно высоко ценит СССР не только в качестве своего союзника, но и в качестве главной опоры мира в Европе и вовсе не склонна недооценивать СССР как защитника европейского мира. Было бы очень хорошо, если бы великие державы действительно гарантировали неприкосновенность Чехословакии. Такую нейтрализацию Чехословакия охотно приняла бы. Это был бы большой соблазн, но Чехословакия не поддастся на него, потому что понимает всю его иллюзорность вообще и, в частности, в той общей форме, в которой зондировал Ньютон. Без СССР нет гарантии мира, и Крофта не поддастся никаким таким обманчивым перспективам.

Я спрашивал Крофту, что говорил Ньютон о судетском вопросе. Поскольку Крофта мялся, я подтолкнул его указанием на то, что в

Праге ходят слухи, будто бы посланник в Англии Ян Масарик привез какие-то англо-германские предложения для урегулирования чехословацко-германских взаимоотношений. Говорят об учреждении международной комиссии для разрешения споров и инцидентов с судетскими немцами. Крофта в самой решительной форме опровергал, говоря, что Масарик не привез абсолютно никаких предложений. Однако Крофта не сказал и в дальнейшем, с чем же приезжал Масарик. Крофта не совсем охотно сказал, что Ньютон действительно зондировал у него опять-таки якобы в личном порядке, как он отнесется к общей идее создания такого инструмента, который своим международным характером и бесспорной объективностью мог бы исключать всяческие заподозривания и обвинения Чехословакии в угнетении судетских немцев и создании конфликтов с Германией.

Слова «международная комиссия» или какая-нибудь комиссия наблюдателей при этом вовсе не употреблялись. Крофта якобы ответил Ньютону, что тот смешивает два рода вопросов. Один род вопросов — пограничные и иные инциденты между Чехословакией и Германией, вроде, например, перелетов границы аэропланами или других нарушенных границ. Крофта сомневается в том, что Германия согласится передать разрешение подобных инцидентов какой бы то ни было международной комиссии. Другой род вопросов — это инциденты на чехословацкой территории с чехословацкими гражданами, судетскими немцами. До такого рода инцидентов нет никакого дела ни Германии, ни другим странам, и они поэтому не подлежат никаким международным решениям, являясь внутренним чехословацким делом. Первое впечатление было такое, что Крофта этим как бы исчерпал вопрос. Однако, отвечая дальше на мои вопросы о положении дела с нацменьшинственным кодексом⁴, Крофта стал рассуждать уже от себя на ту тему, что инцидентов с судетскими немцами было за последнюю неделю мало, а вчерашние выборы протекали так же относительно спокойно, как и в предыдущее воскресенье⁵. Несмотря на это, инцидентов следует ожидать и в будущем. Поэтому для чехов было бы хорошо, если бы для убеждения европейского общественного мнения в их правоте и невинности в разных столкновениях был бы найден способ объективного и неопровержимого доказательства этого. Если бы можно было организовать нечто подобное, то положение Чехословакии улучшилось бы. Меня такой ход рассуждений Крофты несколько обеспокоил, и я стал говорить ему, что, по моему убеждению, он поддается влиянию пустой иллюзии. Чехословакия должна понимать, что для Гитлера вопрос о судетских немцах является только удобным предлогом для агрессии, целью которой является прямое подчинение Чехословакии Гитлеру, лишение ее самостоятельности. Плох тот врач, который надеется на пользу от лечения симптомов, а не причины болезни. Какие объективные свидетельства не предъявляй, Гитлер из-за этого не остановится в осуществлении своих агрессивных планов. Что же касается общественного мнения Европы, то демократическое общественное мнение и без того знает, что Чехословакия вовсе не угнетает судетских немцев. Пытаться же убедить «общественное мнение» сознательных агрессоров — безнадежное занятие.

Крофта возражал мне в том духе, что он не собирается убеждать Германию в своей правоте. Он ставит себе задачу, во-первых, отнять у Гитлера судетский повод к агрессии, а во-вторых, хочет убедить английское общественное мнение в своей правоте, поскольку там существу-

ют сомнения и неопределенные настроения из-за простого незнания фактического положения вещей. Я соглашался с тем, что у агрессора нужно отнимать существующие поводы и по возможности не давать новых для развития его агрессии, но подчеркивал, что при этом решающим должно быть ясное сознание, что речь идет именно о поводах, устранение которых вовсе не решает вопроса в целом. Без ясности такого сознания легко можно потерять границу допустимого в поисках за устранением поводов. Легко попасть в положение, которое фактически вовсе не устранит опасность агрессии, но зато может ослабить, а то и отнять силу сопротивления Чехословакии разным агрессивным намерениям. Гитлер обжегся на своем намерении взять Чехословакию лобовым ударом. Он пока обжегся и на намерении взорвать Чехословакию изнутри в связи с коммунальными выборами. Почему ему теперь не попробовать запутать ее в сети сложной и по существу ненужной системы каких-то доказательств невинности Чехословакии в инцидентах с судетскими немцами, когда Гитлеру никаких доказательств права или вины совсем не нужно для осуществления его агрессии. Если Чехословакия будет слабой или нерешительной, то Гитлер ее съест под любым предлогом, а то и без предлога. Если она будет сильной и решительной, то никакой предлог Гитлеру не поможет.

В моем представлении, учреждение любой международной комиссии и под любым соусом на территории Чехословакии обозначало бы ограничение суверенитета, ущерб авторитету правительства и такое ослабление силы сопротивления, которое не оплатится якобы объективным свидетельством чешской невинности. Крофта как бы соглашался с этим, но продолжал говорить, что его заботой остается задача поисков средств и способов отнимать у Гитлера предлоги к агрессии и одновременно убеждать Европу, что дело идет именно об агрессии, в проявлении которой чехи вовсе не виноваты. В этих поисках Крофта себя якобы ограничивает прежде всего интересами государства в целом. Поэтому нет и не было речи о каких бы то ни было наблюдениях. В частности, заведующий отделом Средней Европы английского мининдела Стрэнг приезжал сюда вовсе не в качестве наблюдателя, а для личной информации и для информации посланника Ньютона. Сейчас он уже уехал, был в Берлине, находится в Париже. Слухи о том, что Ян Масарик приехал с какими-то предложениями, просто ложные. Слухи об учреждении международной комиссии тоже неверные. Зондаж Ньютона ни к чему не обязывает. Слухи о предложении Германии наряду с международной комиссией учредить в судетской области международную полицию (в ответ на мой подсказ о наличии таких слухов) уже абсолютно не соответствуют действительности. Об этом не только нет, но и вообще не может быть речи. В этом Крофта заверяет самым категорическим образом.

Я спрашивал Крофту, в каком положении находится вопрос о меньшинственном кодексе. Генлейновская газета «Ди цейт» обвиняет правительство в том, что оно не предъявило этого кодекса парламентской фракции Генлейна, почему последняя и не может вести переговоры с правительством. О чем же тогда говорит Годжа с Генлейном? Крофта ответил, что кодекс готов и он его штудировал. Если вчера Годжа еще не передал его генлейновской фракции, то передаст не сегодня, так завтра. Переговоры с Генлейном увязли вовсе не на кодексе. Генлейн предъявлял правительству требование отозвать войска из Судетской области. Об этом много и нудно говорилось. Одновременно

шло взаимное прощупывание истинных намерений, чем создавались предпосылки для практических переговоров. Крофта думает, что теперь Генлейн будет вести переговоры, а до недавнего времени дело выглядело так, что может и вообще не дойти до переговоров, от которых Генлейн откажется под каким-нибудь предлогом, первым из которых и был вопрос о мобилизации и военном положении в Судетской области. Я спросил, как мыслится ход и результаты переговоров, а в частности, как будет поступать чехословацкое правительство в случае отказа Генлейна от переговоров или неудачи этих переговоров. У Крофты не было ясного ответа на этот вопрос. Он говорил, что трудно заглядывать вперед в нынешней ситуации. Вяло, и отмечая формальность своего хода рассуждений, Крофта говорил, что если Генлейн будет переговариваться, то ведь целью переговоров является затем голосование в парламенте по обсуждаемому законопроекту. Генлейн может части кодекса принять, а другие части отклонить. Тогда в парламенте за одни части будет голосовать только правительственное большинство с некоторыми другими депутатами (компартия), за другие части — это же большинство плюс фракция Генлейна. В том и другом случае кодекс станет законом, и чехословацкие граждане любой национальности будут обязаны подчиняться ему. Теоретически возможен и тот случай, что в правительственный законопроект будут внесены поправки Генлейна, если они будут приемлемы, и тогда Генлейн будет голосовать за кодекс в целом вместе с правительственным большинством. Тогда теоретически возможен дальнейший вывод, а именно предоставление Генлейну места в составе нынешнего правительства. Другими словами, может идти речь о расширении коалиции путем привлечения в нее партии Генлейна. Может быть и другое. Генлейн превратит обсуждение кодекса в парламенте в демонстрацию невозможности чешско-немецкого соглашения. Крофта окончательно затрудняется сказать, какие выводы будут сделаны тогда. Во всяком случае линия поведения правительства определяется задачей сохранения ненарушимыми как существующей конституции, так и целостности и неприкосновенности государства.

Под конец я обратил внимание Крофты на специальную травлю аграрной партией и аграрной печатью («Венков») против советских фильмов в Чехословакии. Аграрное руководство здания «Феникс», в котором находится кинематограф общества «Прага — Париж», являющегося представителем «Союзинторгкино», лишает это общество кинематографа, откровенно мотивируя свой образ действий тем, что «Прага — Париж» демонстрирует советские фильмы. «Венков» публично обвиняет цензуру в попустительстве коммунистической пропаганде, выразившемся в том, что в хронике стали показывать советскую хронику и, в частности, военные парады, в том числе последний первомайский парад. Крофта обещал вмешаться в это дело.

С. Александровский,
полпред СССР в Чехословакии

Публикуется по АВП СССР.

Опубликовано в сб.: «Документы внешней политики СССР», т. XXI, с. 294—301.

Опубликовано частично в сб.: «Новые документы из истории Мюнхена», с. 47—51.

¹ Мирон Кристи — румынский патриарх, в 1938 г. премьер-министр.

² См. док. 294, а также док. 303.

³ Добиваясь ликвидации договоров о взаимной помощи Чехословакии с СССР и Францией, министр иностранных дел Англии Галифакс 25 мая 1938 г. предложил английскому правительству превратить Чехословакию в «нейтральное» государство. «Министр иностранных дел сказал, что, по его мнению, невозможно требовать, чтобы французское, чехословацкое или русское правительства денонсировали свои союзы; однако он с удовлетворением увидел бы превращение Чехословакии в нейтральное государство, что, по образцу нейтралитета Швейцарии, было бы признано заинтересованными великими державами. При такой системе эти союзы будут автоматически ликвидированы», — говорится в протоколе заседания английского правительства (Public Record Office, Cab. 29/93, p. 348). И далее: «В результате краткого обсуждения план провозглашения нейтралитета Чехословакии... был одобрен».

Для выяснения возможной позиции Чехословакии по этому вопросу в Прагу приезжал ответственный сотрудник английского МИД И. Стрэнг, который 26 и 27 мая обсуждал с Ньютоном план Галифакса. См. также док. 309.

⁴ Так называемый Статут национальных меньшинств Чехословацкой республики разрабатывался правительственной комиссией с весны 1938 г. Первоначально он включал в себя все, что было обещано в апрельском меморандуме чехословацкого правительства (см. прим. 4 к док. 275 и док. 280). Однако под давлением Лондона и Парижа комиссия шла на все большие уступки требованиям генлейнцев.

⁵ См. прим. 1 к док. 295.

*Письмо полномочного представителя СССР в Чехословакии
С. С. Александровского заместителю народного комиссара
иностраннх дел СССР В. П. Потемкину*

Прага

31 мая 1938 г.

Многоуважаемый Владимир Петрович, чиновник отдела печати мининдела * Ф. Кубка только что сообщил мне, что узнал от начальника политического отдела мининдела посланника Крно о том, что текст чехословацкой ноты, устанавливающей экономические взаимоотношения с правительством мятежного ген. Франко, уже готов, и нота не сегодня-завтра будет передана по назначению. В ноте специально оговаривается, что ею не предпринимается вопрос о признании правительства Франко законным¹. Выводом будет посылка в Бургос чехословацкого атташе коммерсиаль.

Кубка передавал под большим секретом свой разговор с Крно, в котором Кубка авансом высказал уверенность в том, что Москва будет сильно раздражена подобного рода шагом Чехословакии и будет считать, что Чехословакия уже целиком находится на поводу политики торги в Англии и делает им в угоду вещи, прямо вредные для самой Чехословакии и «международной демократии», как это сформулировал Кубка. Крно ответил на это Кубке, что Москве известно об этом шаге правительства и она не сделала никаких возражений.

Из записи разговора тов. Пивеня** с советником чехословацкой миссии в Москве Шустом от 26 мая 1938 г. Я вижу, что Шуст действительно делал нам такое сообщение и т. Пивень принял эту информацию для доведения до сведения руководства. Из всей остальной полученной мною почты не видно, реагировало ли руководство и каким образом. Поэтому я отказался от своего первоначального намерения

* Так в тексте.

** Референт II Западного отдела НКВД СССР.